

НОВЫЕ КНИГИ

Д. М. Жихаревич

Двадцать пять лет после СССР: перспективы сравнительных исследований капитализма¹

Рецензия на номер журнала: *Comparative Sociology*. 2017. 16 (1): *25 Years after the USSR: The Burden of the Past, the Bitterness of Reality, and Dreaming for the Future*. Leiden, Netherlands: Brill Publishing. 181 p.

ЖИХАРЕВИЧ Дмитрий Михайлович —

аспирант факультета социологии, инженер-исследователь, Лаборатория «ТАНДЕМ», Санкт-Петербургский университет. Адрес: Россия, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3.

Email: dzhikhar@gmail.com

Статья представляет собой рецензию на тематический номер журнала «Comparative Sociology» (2017. Т. 16. № 1), посвященный 25-летию распада СССР. В номер вошли шесть статей, посвященных данной проблематике и представляющих интерес для учёных, работающих в области экономической социологии. В рецензии показано, почему тематика постсоветских трансформаций может быть релевантной для экономсоциологов, выделены достоинства и ограничения представленных в номере статей, а также фиксируется связь между доминирующей исследовательской программой экономической социологии — социологией рынков — и дисциплинарной перестройкой в социальных науках, последовавшей за распадом СССР. Смысл этой связи заключается в том, что после исторической победы рыночного капитализма, рыночный обмен стал рассматриваться как парадигма социального действия, а экономическая социология сосредоточилась на анализе социальных структур, поддерживающих рынки, превратившись, таким образом, из конкурента неоклассической экономической теории в её дополнение. Автор рецензии приводит аргументы в пользу такого вывода. В заключение анализируются пределы стратегии сравнительного анализа траекторий постсоветских трансформаций, которой придерживаются авторы представленных в рецензируемом издании статей. Данная стратегия получила название «качественная» и восходит к методологическим работам М. Вебера. В её рамках внимание исследователя сосредоточивается на уникальных случаях и различных комбинациях причин, приводящих к их возникновению. Сравнительный анализ ориентирован на выявление различий, а не сходств. Несмотря на гибкость подобного подхода, он не лишён недостатков, кратким изложением которых завершается настоящая рецензия.

Ключевые слова: постсоветские трансформации; сравнительная социология; сравнительный капитализм; экономическая социология; социология рынков; распад СССР.

Написать критический отклик на работу коллег — работу, которую пришлось наблюдать на протяжении длительного времени и именно в тех её аспектах, что неизменно оказываются вынесенными за скобки, устаиваясь незначительного упоминания в рубрике «выражение признательности», —

¹ Текст подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 17-33-00040.

непростая задача, если подходить к ней с несколько большей долей серьёзности, чем того требует академический ритуал. К подобной работе не получается отнестись с приличествующей рецензии нейтральностью, не соскользнуть в благожелательное похлопывание по плечу в формате *amicus*². Трудно не впасть и в другую крайность — избыточную критичность и даже придиричность. Однако, похоже, третьего не дано, именно потому, что «пространство возможностей» рецензента заранее искривлено эмоциональными и дружескими связями, продолжительным опытом совместной работы и общения с авторами рецензируемых текстов. Пристрастный подход, впрочем, не лишён известной плодотворности. Остаётся надеяться, что плоды критики смогут послужить для неё оправданием, пусть и запоздалым.

Предметом рассмотрения является 16-й тематический номер журнала «Comparative Sociology» (CoSo), увидевший свет в 2017 г. и посвящённый 25-летию распада СССР. Тематика, на первый взгляд не принадлежащая кругу непосредственных интересов экономических социологов, тем не менее заслуживает их внимания, хотя бы потому что имеет прямое отношение к самой конституции экономической социологии в том виде, в каком она существует сегодня: доминирование социологии рынков связано с господством рынка в качестве формы организации хозяйственной жизни. Ещё на предыдущем «историческом рубеже», спустя десятилетие после событий 1989–1991 гг., целый ряд исследователей обратили внимание на их значение для проекта социологического анализа хозяйства и общества (см., напр.: [Arrighi 2001; Eyal, Szelenyi, Townsley 2003; Krippner et al. 2004]). Не вдаваясь в детали довольно разнообразной аргументации, отметим её основной смысл. Исчезновение с теоретического горизонта перспективы сравнительного анализа двух принципиально разных экономических систем — капиталистической и социалистической, «рынка» и «плана» — поставило перед социальными учёными новую задачу: изучение различных вариантов реализации системы победившей, то есть рыночного капитализма, причём изучение «позитивное», не имеющее в виду осуществимую возможность альтернативной социально-экономической организации, проекты которой подверглись дискредитации и были вытеснены с горизонта исторического развития³. Это обстоятельство имело ряд теоретических последствий, начиная с не вполне сознательных концептуальных перетасовок, в разной степени скрывающих политические аспекты конституирования хозяйственной жизни⁴, и заканчивая смещением тематического фокуса экономсоциологических исследований, всё в большей степени концентрирующихся на социологии рынков. Конечно, речь идёт лишь об общей тенденции, исключения из которой хорошо известны (см., напр.: [Nee 1996; Nee, Swedberg 2005]). Вместе с тем в исследовательском сообществе формируется понимание того, что новая экономическая социология последних 20 лет главным образом концентрировалась на изучении социальных структур, различным образом «поддерживающих» рынки, сам механизм работы которых, таким образом, оставался за пределами фокуса внимания дисциплины [Stark 2000; Whitford 2002; Krippner et al. 2004]. Аналогичным образом нетронутым оставалось концептуальное ядро неоклассической экономики, за которой тем самым молчаливо закреплялись полномочия на высказывание последней истины человеческого действия. Безусловно, такая аргументация весьма схематична, однако в ней есть интуитивная убедительность: если социальный мир, в конечном счёте, представляет собой рынок, то не остаётся ничего, кроме как изучать различные конфигурации этого рынка и структуры, обеспечивающие его функционирование. Проекты обоснования экономической социологии как более масштабного исследовательского предприятия, претендующего на нечто

² Дружественный, благожелательный (*лат.*).

³ Пионерами сравнительного подхода к анализу разновидностей капитализма стали исследователи, работающие в рамках подхода *varieties of capitalism* (разнообразие капитализма) [Hall, Soskice 2001]. Параллельно к этой проблематике подошёл Н. Флигстин (см. рус. пер. его книги: [Флигстин 2014]).

⁴ Скажем, замещения термина «капитализм» более нейтральными словосочетаниями вроде «рыночное общество», «рыночная экономика» или даже просто «экономика» [Heilbroner 1998].

большее, чем анализ аномалий неоклассической модели⁵, также могут быть поняты исходя из этого контекста. Таким образом, распад СССР, пусть и не рефлекслируемый напрямую, всё же играет роль своего рода «фона» современных экономсоциологических исследований.

Практикующий исследователь, впрочем, не слишком нуждается в подобного рода историко-теоретических экскурсах, чтобы заинтересоваться рецензируемой работой, поскольку в ней представлены шесть авторских исследовательских статей, основанных на добросовестном эмпирическом анализе постсоветской социальной действительности. Тематический номер журнала «Comparative Sociology» открывается обстоятельным редакторским введением, озаглавленным «25 лет после СССР: сравнительные социологические подходы» («25 Years After USSR: Comparative Sociological Accounts»), объясняющим читателю, почему обращение к сравнительной социологии постсоветского пространства имеет значение четверть века спустя после распада пространства советского. Это обоснование не лишено парадоксальности: в конечном счёте, по мнению редактора номера А. В. Резаева, систематического анализа траекторий постсоветских и — шире — посткоммунистических обществ в социологии последних десятилетий так и не появилось. О правомерности такого вывода предоставим судить читателю, отметив, что подобного рода анализ не может быть осуществлён в пределах одного выпуска журнала, поэтому рассматривать 16-й номер «Comparative Sociology» следует, скорее, как попытку — вполне своевременную — привлечь внимание исследователей к данной проблематике. Во введении редактор демонстрирует свою принадлежность к «академическому племени» сравнительных социологов, выражая признательность Ж.-П. Делозу, Д. Виклиему и М. Сасаки, с которыми он обсуждал идею тематического номера на конгрессе Международной социологической ассоциации в Йокогаме ещё в 2014 г. [Rezaev 2017: 1–2]. Таким образом, перед читателями — продукт работы, занявшей почти три года, участие в которой на этапе обсуждения приняли ведущие представители мировой и европейской сравнительной социологии.

Начинается номер статьёй, написанной будапештским экономистом П. Михали в соавторстве с одной из академических «звёзд» современной социологии — И. Зелени, сделавшим себе имя благодаря новаторским исследованиям социальной структуры социалистических обществ и её трансформаций в процессе перехода к рынку. Статья посвящена роли ренты в переходе от социалистических экономик перераспределения к рыночному капитализму. Авторы делают попытку переосмыслить теорию ренты, предложенную Д. Рикардо, опираясь на веберовское понятие «закрытое социальное отношение», сформулированное в первом томе «Хозяйства и общества» [Вебер 2016]. Согласно Зелени и Михали, теория земельной ренты, представленная в третьем томе «Капитала», была попыткой подвести научное обоснование под гипотезу о неизбежном крахе капиталистического способа производства, которую Марксу никак не удавалось доказать. Однако рассмотрение ренты как «превращённой формы» прибавочной стоимости, генерируемой трудом, предпринятое Марксом, вернуло его к Адаму Смиту, то есть к триединой концепции социальной структуры, где классы (рабочие, капиталисты, рентыеры) выделяются на основе соответствующих видов дохода (заработная плата, прибыль, земельная рента). Именно этим, по мнению авторов статьи, объясняется незавершённый характер знаменитой 52-й главы «Классы» в третьем томе «Капитала» [Mihalyi, Szelényi 2017: 17]. Зелени и Михали предлагают в связи с этим вернуться от Маркса к Рикардо, который противопоставлял ренту (и генерируемую ею структуру неравенства) прибыли и заработной плате, то есть нетрудовые доходы земельной аристократии — трудовой и предпринимательской деятельности, которые вносят вклад в общественное богатство⁶. В противоположность современным политологическим теориям «рентоориентированного

⁵ См. наиболее значительные и опирающиеся на различные теоретические ресурсы попытки такого рода в работах: [Mitchell 1998; Whitford 2002; Çalıřkan, Callon 2010; Флигстин 2014: 39–41].

⁶ Зелени и Михали признают антиисторичный характер теории Рикардо, однако настаивают, что ее исторический «подтекст» — критика земельной аристократии: «Рикардовская “рента редкости” является “незаработанным” доходом, который не вносит вклада в общественное богатство, а лишь перераспределяет доходы от зарплат и прибылей в форме

поведения», авторы предлагают подход к данной проблеме, не обременённый нормативной нагрузкой, признавая существование рентных доходов во всех (а не только в экстремально коррумпированных) экономиках⁷. Опираясь на Вебера, они также расширяют понятие «рента», включая в него все виды доходов, извлекаемых из закрытых социальных отношений (в том числе традиционно рассматриваемые экономистами монополии, олигополии и картели), чтобы с его помощью описать различные механизмы создания такого рода отношений в процессе перехода от социалистического перераспределения к рыночной экономике. Авторы рассматривают три вида таких механизмов.

Во-первых, захват рынка политическими элитами (под захватом имеется в виду технический термин *market capture*), принимавший в опыте посткоммунистических стран три формы. Прежде всего, это форма «политического капитализма», то есть конвертация партийными кадрами административных управленческих полномочий в полноценную частную собственность на государственные активы, так сказать, стихийная приватизация. Кроме того, использование административного ресурса и коррупционных механизмов в ходе приватизации, санкционированной официально (путём залоговых аукционов и аналогичных механизмов). Наконец, уже после того, как приватизация осуществилась, политическая и административная элита может прибегнуть к манипуляции рынками путём использования коррупционных возможностей в области государственного финансирования крупных инфраструктурных и других проектов [Mihalyi, Széleányi 2017: 23–26]. Все три сценария широко и ярко представлены в новейшей истории России.

Во-вторых, ренты могут играть роль в процессе захвата государства олигархами (*state capture by oligarchs*), хорошим примером чего является небезызвестная «семибанкирщина».

В-третьих, ренты извлекаются правителями-автократами путём подавления, избирательной криминализации и (или) подчинения и кооптации новой олигархической буржуазии (*capture of oligarchs by the state*). Эти два последних варианта иллюстрируются различием траекторий таких персонажей постсоветской политики, как Ходорковский и Абрамович [Mihalyi, Széleányi 2017: 31–32].

К недостаткам статьи следует отнести тот факт, что теоретически интересная концепция не получает достойного применения, так как вторая половина статьи посвящена различным иллюстрациям работы описанных механизмов создания условий для извлечения ренты. «Кейсы», приводимые Зелени и Михали, с одной стороны, хорошо известны из постсоветской истории, а с другой — не представляют большой научной ценности без основательно проработанной теоретической рамки для их интерпретации. Увы, именитые венгерские социологи в данном отношении не продвинулись дальше известной книги убитого в Москве в 2004 г. журналиста Пола Хлебникова, на которую они активно ссылаются [Klebnikov 2000]. При этом нормативный пафос, то и дело дающий о себе знать, несмотря на заявления авторов статьи о приверженности реалистическому подходу к проблеме коррупции, не может не вызвать определенной симпатии жителей постсоветских стран и, в частности, современной России. Классические буржуазные идеалы свободного труда и свободной же конкуренции звучат вполне прогрессивно в ситуации, где неравенства, основанные на механизмах создания закрытых социальных отношений и извлечения ренты, легитимируются апелляциями к меритократическому идеалу. Впрочем, вслед за Парето авторы заключают, что для стабильной экономики необходим баланс между кон-

ренты» [Mihalyi, Széleányi 2017: 15]. Если же вспоминать Маркса, чья теория ренты как раз является теорией исторической по преимуществу — в той мере, в какой капитал (то есть «совокупность современных производственных отношений») рассматривается Марксом как «по своей природе, так и исторически <...> создатель современной земельной собственности, земельной ренты» [Маркс, Энгельс 1968: 226], становится ясным исторический горизонт выдвигаемой Зелени и Михали критики современных рэнтъе: венгерские социологи атакуют их как своего рода «новых феодалов».

⁷ Это сближает подход венгерских социологов с другими современными исследованиями коррупции, см.: [Папакостас 2016].

курентными рынками и различными формами монополии, подобно тому, как новейшие технологии защищаются патентным правом [Mihalyi, Szelényi 2017: 35–36].

За текстом Зелени и Михали следует несколько статей, основанных на применении качественного сравнительного анализа (*qualitative comparative analysis*, QCA) — метода, разработанного Ч. Рагиным и широко признанного как инструмент решения проблемы малой генеральной совокупности, но сравнительно слабо представленного в работах российских экономсоциологов. В статье З. Норкуса исследуются траектории экономического развития бывших советских республик после распада СССР. Автор отталкивается от заявленной Н. Хрущёвым цели «догнать и перегнать» Запад и сравнивает разрыв в уровне ВВП и скорость его роста в постсоветских странах с соответствующими параметрами США. Если отвлечься от вопроса, в какой мере декларации, подобные хрущёвской, отвечали выявленным предпочтениям (*revealed preferences*) советской элиты⁸, становится понятно, что анализ Норкуса приводит к выводу о том, что характеристика советской экономики как «стагнирующей» была, в значительной степени мотивирована политически: такое восприятие свойственно в первую очередь ангажированному наблюдателю, всерьёз воспринявшему провозглашённый партией лозунг. В последние 20 лет своего существования «советская экономика стагнировала в том смысле, что не была способна исполнить своё обещание догнать США, но это не означает, что она росла медленнее. Позднесоветские элиты воспринимали СССР как стагнирующий, потому что принимали марксистско-ленинскую догму о том, что социализм является экономической системой, превосходящей капитализм» [Norokus 2017: 61]. Статья завершается призывом к дальнейшему исследованию постсоветских траекторий экономического развития, нацеленному на анализ отклоняющихся случаев Армении и Литвы, маршруты которых не укладываются в существующие объяснительные модели.

Словенские исследователи-политологи М. Макарович и Я. М. Килди также используют качественный сравнительный анализ, изучая влияние политической культуры на стабильность постсоветских режимов. Вопросы, которые они ставят, заключаются, во-первых, в том, каким образом политические, социокультурные и экономические факторы создают условия для политической стабильности и демократии, и, во-вторых, какова роль политической стабильности в качестве промежуточной переменной между социально-экономическими условиями и демократическим характером политического режима [Makarovič, Kildi 2017: 71–72]. Вопреки транзитологической догме, на постсоветском пространстве возникло множество формально демократических, но в действительности очень разных политических режимов — от «консолидированных демократий» (к ним авторы относят прибалтийские государства, опираясь в этом вопросе, как и в отношении других стран, на рейтинг неправительственной организации Freedom House), «гибридных режимов» (Грузия, Молдова и Украина) до «полуконсолидированных» (Армения, Кыргызстан) и «консолидированных» (Россия, Таджикистан, Казахстан, Беларусь, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан) вариантов авторитаризма. Основной вывод статьи сложно назвать прорывным: авторы указывают на важную роль социального включения для политической стабильности, а также на необходимость создания эффективной государственной администрации и усиления прозрачности и подконтрольности работы чиновников, что позволит снизить негативный эффект рентоориентированного поведения в богатых ресурсами государствах. Более интересным представляется соображение о том, что стабильные политические режимы могут возникать как в обеспеченных природными ресурсами странах, так и в бедных. Макарович и Килди считают, что именно политическая культура постсоветского пространства делает ресурсное богатство ресурсным «проклятием»

⁸ Так, по мнению М. Харрисона, советские элиты, начиная с И. Сталина, рассматривали экономическую модернизацию лишь как инструмент наращивания военной мощи, то есть «догнать и перегнать» означало догнать и перегнать в военном отношении [Harrison 2012]. В то же время ясно, что столь прямолинейное толкование идеологических высказываний и того, как они воспринимались современниками, значительно упрощает механизм работы позднесоветского идеологического языка, для анализа которого, возможно, лучше обращаться к антропологическим подходам; см.: [Юрчак 2014].

[Makarovič, Kildi 2017: 96]. В какой мере эта связь опосредуется именно культурой — вопрос открытый, особенно с учётом сложностей операционализации «культуры» в качестве переменной, однако несомненной заслугой авторов является попытка разорвать порочный круг рассуждений о «нефтедолларах» как единственной причине провалов демократии на постсоветском пространстве.

Третья статья, основанная на использовании QCA — это работа В. Старикова (в соавторстве с редактором номера А. В. Резаевым), посвящённая анализу организационных трансформаций в сфере образования после распада СССР. Авторы исследуют различные факторы организационной дифференциации и стратификации, характерные для советской (основанной на функциональной роли вузов в плановом хозяйстве и их статусе) и постсоветской (отчасти унаследовавшей статусную иерархию и зависимой от рынка труда) систем образования. В статье предложена полученная эмпирически типология постсоветских вузов, среди которых выделяются «исследовательские университеты», сочетающие научную и преподавательскую деятельность и вовлечённые в международные сети, и «организации высшего образования широкого профиля», не столько обеспечивающие выпускников знаниями и профессиональными компетенциями, сколько предоставляющие саму возможность выхода на рынок труда (диплом). Советские «классические» университеты трансформировались в постсоветские исследовательские университеты, если на момент перехода (а авторы принимают во внимание опыт реформ образования с 1980-х гг.) они уже обладали высоким статусом, но при этом вынуждены были конкурировать с другими организациями высшего образования. При прочих равных условиях именно конкуренция оказывалась тем фактором, который не позволял статусным университетам буквально «почить на лаврах», превратившись в «фабрику дипломов» (полагаем, большинству читателей знакомы соответствующие примеры). Интересно отметить, что, как пишут исследователи, трансформации первого рода — из советского «классического» в постсоветский исследовательский — происходили чаще в рамках единой логики, тогда как на деградацию бывших советских университетов в каждом конкретном случае влияли ситуативные обстоятельства [Rezaev, Starikov 2017: 141–142]. Говорит ли это о преимуществах советского образования или только о способности организаций к адаптации в новых условиях? Авторы отказываются пожертвовать осторожной интонацией исследователя-эмпирика, чтобы дать определённый ответ на этот и другие подобные вопросы. Несмотря на амбициозную постановку проблемы, статья Резаева и Старикова, видимо, должна рассматриваться как первый этап более масштабного исследования, в котором будут уточнены теоретико-методологические основания (вопреки стараниям авторов, читатель, желающий прояснить этот момент, столкнётся с серьёзными трудностями) и единицы анализа (поскольку понятно, что университеты — это, скорее, конгломераты различных «слабо сцепленных» организаций, и рассмотрение их как целостностей не всегда оправдано).

Статья А. Каратцоггианни, Г. Миажевич и А. Денисовой, посвящённая «киберконфликтам» на постсоветском пространстве, более всех остальных выбивается из структуры номера, усиливая ощущение произвольности отобранных редактором текстов. Тематически статья посвящена обзору политических конфликтов в Интернете, более конкретно — политическим мемам, которые использовались сетевой публикой в России и на Украине в связи с присоединением (аннексией) Крыма, а также протестному репертуару белорусских «цифровых активистов» [Karatzogianni, Miazhevich, Denisova 2017]. Для контраста авторы также предоставляют краткий обзор ситуации в Эстонии, которую эксперты Freedom House признали наиболее свободной в отношении возможностей самовыражения в Интернете и цифровых прав (*digital rights*) постсоветской страной. Статья открывается подробным обзором исследований политической роли новых медиа и примыкающих проблематик, хотя авторы и пытаются в несколько эклектичной манере увязать эти разнородные исследования в рамках единой «теории киберконфликта». Вторая часть статьи представляет собой набор иллюстраций: в авторитарных странах вроде России и Беларуси слабость гражданского общества вынуждает активистов прибегать к использованию Интернета, однако и там они сталкиваются с разного рода репрессиями. Напротив, в Эстонии, претерпевшей в 2007 г. серию DDOS-атак со стороны России (см.: [Эстония требует... 2007; Панчул 2009]),

цифровые права обеспечиваются в полной мере. Безусловным достоинством статьи является то, что авторы не настаивают на каузальной роли самих цифровых сетей, постоянно предупреждая читателя о важности локального и геополитического контекстов, хотя от специалистов в области исследований медиа читатель вправе ожидать большего внимания к собственно идеологической подоплёке рассматриваемых авторами конфликтов⁹.

Заключительная статья номера написана Н. Трегубовой, А. Марченко и М. Фабрикант и посвящена способам концептуализации постсоветских трансформаций в статьях социальных учёных России, Беларуси и Украины. Эмпирической базой исследования выступили аннотации научных статей 2001–2015 гг. из 94 индексируемых журналов, публикуемых в трёх странах. Авторы пытаются выяснить, в какой мере те или иные специфические формулировки проблемы «постсоветского» обусловлены дисциплинарной принадлежностью учёных и (или) социальным контекстом страны, о которой идёт речь в той или иной статье. Трегубова и её соавторы выделяют три общих способа такой концептуализации. Во-первых, это региональная концептуализация, распространённая в наследующих советологии страновых исследованиях (*area studies*): «постсоветское» в рамках данного подхода концептуализируется как прежде всего некое географическое и культурное пространство. Во-вторых, «постсоветское» может быть атрибутом определённого процесса или состояния, содержательная специфика которого характеризуется рамками той или иной академической дисциплины; в таких случаях обычно говорят о «постсоветской трансформации», имея в виду переход «от плана к рынку» или от «тоталитаризма» к «демократии». Наконец, в-третьих, можно говорить о «постсоветском» как о неопределённом обозначении непосредственно проживаемого опыта «здесь и сейчас», придающего этому опыту смысл путём его сопоставления с той или иной концепцией «советского» [Tregubova, Fabrykant, Marchenko 2017: 149]. Согласно основной гипотезе исследования, «страновой» контекст важнее дисциплинарных норм в силу особенностей постсоветских учёных как социально-профессиональной группы. Предполагается, что научной работе свойственна зависимость от предшествующего развития (пресловутая *path-dependency*, или, в терминах П. Бурдьё, на которого ориентируются Трегубова и её соавторы, «гистерезис габитуса»), и она только увеличивается в ситуации институционального изменения, где работникам науки приходится опираться на складывавшиеся годами неформальные связи в поисках ресурсов, как материальных, так и интеллектуальных. Все это, по мысли авторов, усиливает инерцию советского «габитуса» социальных учёных, предписывающего им, скорее, роль моральных авторитетов, ориентирующихся на публичные высказывания, а не профессионалов, работающих в узких пределах дисциплин.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что тематизация «постсоветского» является прерогативой российских учёных, поскольку именно они уделяют наибольшее внимание попыткам осмысления трансформаций начала 1990-х гг., используя данную терминологию, хотя консенсуса в отношении оценки советского опыта в российских публикациях не просматривается. Напротив, для украинских исследователей тема трансформаций также представляется очень важной, однако она не осмысливается при помощи категориальной пары «советское — постсоветское». Белорусский же случай демонстрирует характерную двусмысленность: поскольку, по мнению авторов, социально-экономическая и политическая модель Беларуси фактически ближе всего к советской, но при этом воплощает результат четвертьвековой эволюции страны в качестве независимого государства, коллизия позитивного отношения одновременно и к прошлому, и к независимому настоящему находит своеобразное разрешение в своего рода ностальгии по утраченному социальному порядку, сочетающейся с признанием исторической неизбежности этой утраты. В конечном счёте, авторы приходят к выводу, что разделить стра-

⁹ Например, авторы не рассматривают то, как в Эстонии реактивируется дискурс противостояния репрессивному гиганту СССР, чью роль сегодня играет Россия, для смирения имперских амбиций которой власти прибалтийской республики даже запустили программу для обучения детей программированию (любопытно, что аналогичные идеи в своё время не получили развития в позднем СССР; см. об этом, а также о других аспектах постсоветского развития цифровых технологий и цифрового активизма в наиболее свежем исследовании в сборнике: [Biagioli, Lepinay 2018]).

новый и дисциплинарный контексты как независимые переменные не представляется возможным, и, скорее, необходимо реконструировать более сложный социальный механизм, где влияние странового контекста на распределение исследовательского внимания опосредуется дисциплинарными и организационными факторами [Tregubova, Fabrykant, Marchenko 2017: 174].

Несмотря на интересный замысел, исследование Трегубовой и её соавторов явно нуждается в развитии, чтобы стать по-настоящему интересным; скажем, напрашивается вопрос: в какой мере предлагаемые учёными концептуальные рамки повлияли на действительные процессы принятия решений в соответствующий период новейшей истории трёх стран? Такая или подобная постановка вопроса представляется необходимой, чтобы «оживить» полученные в статье результаты и встроить их в тот или иной проблемный контекст (то есть сформулировать внятный ответ на пресловутое «so what?» — «так что?»). Абстрактная постановка вопроса о влиянии контекста на содержание научных исследований, возможно, не является наиболее продуктивным способом такого рода проблематизации, однако в статье присутствуют сюжеты, способные помочь её осуществить. Так, авторы отмечают, что статьи, написанные экономистами, чаще всего ориентируются не на крупных предпринимателей или малый бизнес как на субъект анализируемых трансформаций, но рассматривают в качестве такового государство, и именно в государственных интервенциях в экономику видят решающее средство управления социальными процессами [Tregubova, Fabrykant, Marchenko 2017: 158, 161]. Говорит ли это наблюдение нам что-нибудь о специфике экономической профессии, об экспертной культуре экономистов, их роли в реформировании постсоветских стран (по-видимому, заметно более существенной именно в случае России; см.: [Фурман 1995])? Вот вопросы, к которым, как представляется, даёт возможность подойти рецензируемая статья; причём ответы на эти вопросы не противоречат исходным интенциям Трегубовой, Марченко и Фабрикант, а только конкретизируют их. Наконец, бросается в глаза и то, что авторы не упускают случая (см., напр.: [Tregubova, Fabrykant, Marchenko 2017: 161, 167, 173–174]) в типично постсоветской манере слегка «пожурить» советский марксизм, из-за которого постсоветские учёные подвержены-де стихийному экономическому детерминизму (как варианту исторического фатализма)¹⁰.

Обстоятельно подготовленный тематический номер не лишён тем не менее некоторых фундаментальных проблем. О них свидетельствует уже сам извиняющийся тон приглашённого редактора. Помимо традиционных для такого рода текстов обоснований тематического фокуса, выражения признательности, срабатывающего как указание на принадлежность к тем или иным научным сетям, а также краткого пересказа статей, значительная часть введения посвящена обзору — обескураживающе краткому — тех тематик и (или) регионов, которым в номере не уделяется достаточного внимания (в частности, упоминаются Кавказ и Центральная Азия). Обсуждение же существа проблемы распада СССР, представленное во введении, сводится фактически к своего рода феноменологическому описанию соответствующего опыта, в котором присутствуют нормативные элементы [Rezaev 2017: 4]. В этом смысле редакторское введение играет роль метонимии: по принципу *pars pro toto*¹¹ оно даёт представление как о содержании вошедших в номер статей, так и об их проблемах и недостатках. Главная проблема текста Резаева в том, что амбициозная задача сравнительно-исторического анализа постсоветского социального ландшафта не находит адекватных теоретических инструментов, чтобы воплотиться в полной мере: автор вынужден, в конечном счёте, опираться на нейтральные формулировки экспертных центров вроде Мирового банка, скажем, на классификацию стран по уровню дохода. Конечно, рассмо-

¹⁰ Здесь не место подробно обсуждать перипетии интерпретаций детерминистского материалистического понимания истории; отметим лишь, что, как представляется, фаталистические (равно как и иные) аргументы в пользу капитализма продуктивнее было бы анализировать не в формате отработанной критики догматического марксизма, но как собственно политические высказывания, вольно или невольно легитимирующие возобладавший социальный порядок (классическим примером здесь остаются работы А. О. Хиршмана). Надеемся, нам ещё представится случай развить эту полемику.

¹¹ Часть вместо целого (*лат.*).

трение стран бывшего СССР в перспективе так называемой ловушки среднего дохода (*middle-income trap*) — не худший способ «первого приближения» к проблематике, и всё-таки этого мало для теории, без которой невозможен полноценный сравнительный анализ¹². Уровень дохода страны в данном случае играет роль своего рода концептуального костыля и напоминает подход политической экономии в том виде, в каком его критиковал Маркс. Политэконом начинает свои рассуждения с конкретики, которая, однако, при ближайшем рассмотрении оборачивается абстракцией. Так, за абстрактным населением той или иной страны стоит классовая структура, покоящаяся, в свою очередь, на отношениях наёмного труда, капитала и т. д. Разматывать эту нить можно вплоть до «простейших определений», по достижении которых, по Марксу, необходимо будет «пуститься в обратный путь <...> снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями» [Маркс, Энгельс 1968: 36–37]. К сожалению, этого обратного движения текст Резаева не совершает, не задаваясь принципиальным в данном случае вопросом: насколько продуктивными являются сравнения России, Мексики и Аргентины (все — страны среднего уровня дохода) в отрыве от типологии государственных структур? Не столь важно даже, какой именно типологии¹³; проблема не в отсутствии конкретной теории, но в отсутствии теории как таковой, что заставляет автора опираться, с одной стороны, на повседневный опыт, с другой — на до-теоретические обобщения (географические регионы, уровни национального дохода и т. п.). Именно поэтому ряд остроумных наблюдений (например, о политических перспективах смены поколений в элитах постсоветских стран) повисают в воздухе. К большому сожалению, то же можно сказать и о многих других статьях рецензируемого номера.

В целом лейтмотивом номера является идея разнообразия, будь то разнообразие механизмов извлечения ренты (Зелени и Михали), скорости экономического развития (Норкус), условий стабильности политических режимов (Макарович и Килди), траекторий организационных трансформаций (Резаев и Стариков), форм мобилизации и политического конфликта в цифровых сетях (Каратцоггианни, Миажевич и Денисова) или репрезентаций постсоветского перехода в академических статьях (Трегубова, Фабрикант и Марченко). С одной стороны, от исследований, выполненных в сравнительной перспективе, было бы странно ожидать чего-то иного. С другой стороны, за разнообразием тем и подходов трудно обнаружить какой-либо объединяющий принцип, так что в целом создаётся впечатление, что журнал собирался по принципу «с миру по нитке» (композиция номера наводит на мысль, что изначально планировалось сделать акцент на методологии QCA, однако собрать нужное количество статей не удалось). Однако проблема не только в этом. В конце концов, перефразируя Маркса, люди ставят себе всегда только такие задачи, которые могут разрешить, и в этом смысле, принимая во внимание все те ресурсные и институциональные ограничения, которые столь хорошо знакомы социальным исследователям, работающим на постсоветском пространстве, едва ли оправданно ожидать большего от авторов статей и редактора. Вопрос, скорее, заключается в том, не исчерпана ли сама сравнительная перспектива, ориентированная на анализ множества разных капитализмов, возникшая как результат исчезновения с исторического горизонта не столько самих форм альтернативной организации социальной жизни, но даже и политических проектов, пытающихся эти формы артикулировать? Здесь важна не политическая подоплёка данного вопроса, но его, если угодно, эвристические возможности. Перспектива анализа исторического разнообразия, как хорошо известно, восходит к М. Веберу, а «левое веберрианство» (по выражению У. Сьюэлла) является доминирующей теоретико-политической пози-

¹² См. работы, где представлено полноценное теоретическое рассмотрение данной проблемы: [Harrison 2012; Popov 2014]; из авторов рецензируемого номера такую попытку также делает З. Норкус (см.: [Norkus 2017]).

¹³ Можно вспомнить анализ ролей государства в хозяйстве, предложенный Ф. Блоком и Н. Флигстином [Блок 2004; Флигстин 2014: 86–100], теорию государства развития (*developmental state*), разновидностью которого — «полупериферийной диктатурой ускоренного развития» — был, по мнению Г. Дерлугьяна, СССР [Дерлугьян 2010]; см. также: [Harrison 2012: 2] или неовеберрианский подход А. Олейника, трактующий социально-экономический режим современной России с помощью понятия «господство посредством совпадения интересов» [Олейник 2011].

цией среди сравнительных социологов [Sewell 1996]. Вместе с тем при всей возможной продуктивности данной позиции, зачастую заранее понятно, к каким выводам она приведёт исследователя. Скорее всего, обрисовав более или менее детально набор кейсов или расходящихся траекторий, сравнительный социолог-веберианец подчеркнёт контингентный характер исторического процесса, то есть идею о том, что существующее положение вещей сложилось не в силу необходимости, но более или менее произвольным образом, а стало быть, не является наилучшим (как, впрочем, и наихудшим). Одним из наиболее востребованных способов рационализации такого отношения стала концепция иронии, сочетающая понимание известной доли произвольности происходящего с признанием отсутствия жизнеспособных ему альтернатив [Eyal, Szelenyi, Townsley 2003]. И хотя таковых по-прежнему не видно, складывается ощущение, что теоретический маятник, за которым вот уже около ста лет следуют социологи, снова качнулся от разнообразия к единству, или, если угодно, от Вебера к Марксу, от акцента на разнообразии траекторий возникновения капитализма к анализу его сущностного ядра, сохраняющегося по ту сторону различных институциональных и технологических форм. Об этом свидетельствуют опыт исследований постсоветских политических режимов, обнаруживающих бросающиеся в глаза сходства не только на уровне их структуры, но и в используемой ими легитимационной риторике (проявляющиеся, отметим, вопреки видимому разнообразию культур; см., напр.: [Фурман 2007]), и постепенное угасание политэкономической исследовательской программы разнообразия капитализма (*varieties of capitalism*), сопровождаемое призывами к изучению форм его единства (*commonalities of capitalism*) (см., напр.: [Streeck 2010]), и новые попытки это единство концептуализировать (в этом отношении одним из наиболее перспективных подходов представляется вдохновлённый Р. Люксембург анализ динамики капитализма, предложенный авторами недавней работы «Sociology, Capitalism, Critique» («Социология, капитализм, критика») [Dörre, Lessenich, Rosa 2016]). Возможно, что по прошествии 25 лет после распада СССР как раз и подошло время ставить более общие вопросы — вопросы, затрагивающие само ядро установившейся социально-экономической системы, окончательно оторвавшейся от идиосинкразических обстоятельств своего генезиса? И не будет ли такая постановка вопроса, сознательно ориентированная на фиксацию единства, более содержательной — как теоретически, так и эмпирически? Чтобы нарисовать пресловутую *big picture* — *общую картину*, сначала необходимо представить себе ее контур, увидеть целое, пусть и абстрактным образом. Возможно, именно этого авторам номера и не хватило. Тем не менее 16-й номер *CoSo* представляет собой прецедент, важную попытку возобновить теоретическое и эмпирическое обсуждение итогов постсоветского периода и, несмотря на присущие этой попытке изъяны и пробелы (а может быть, и благодаря им), заслуживает внимательного прочтения.

Литература

- Блок Ф. 2004. Роли государства в хозяйстве. *Экономическая социология*. 5 (2): 37–56. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2004-5-2/26592161.html>
- Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Социология. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Дерлугьян Г. 2010. *Адепт Бурдьё на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. М.: Территория Будущего.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1968. *Сочинения. Издание второе*. 46 (1). М.: Издательство политической литературы.
- Олейник А. Н. 2011. *Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых годов»*. М.: РОССПЭН.

- Панчул Ю. 2009. Взлом со свистом. *The New Times*. 15 (111). URL: <https://newtimes.ru/stati/others/a948087239b4c285b0bcc1b1397e2246-vzлом-so-svustom.html>
- Папакостас А. 2016. *Становление цивилизованной публичной сферы. Недоверие, доверие и коррупция*. М.: ВЦИОМ.
- Флигстин Н. 2014. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Фурман Д. Е. 1995. «Перевернутый истмат»? От идеологии перестройки к идеологии «строительства капитализма» в России. *Свободная мысль*. 3. URL: <http://dmitriyfurman.ru/wp-content/uploads/2012/04/3-1995.pdf>
- Фурман Д. Е. 2007. Общее и особенное в политическом развитии постсоветских государств. В сб.: Липман М., Рябов А. (ред.) *Пути российского посткоммунизма. Очерки*. М.: Изд-во Р. Элинина; 234–273.
- Эстония требует расследования DDoS-атак из России. 2007. *Deutsche Welle*. URL: <http://www.dw.com/ru/эстония-требует-расследования-ddos-атак-из-россии/a-2542160>
- Юрчак А. 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.
- Arrighi G. 2001. Braudel, Capitalism, and the New Economic Sociology. *Review (Fernand Braudel Center)*. 24 (1): 107–123.
- Biagioli M., Lepinay V. (eds) 2018 (Forthcoming). *From Russia with the Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*. Durham, NC: Duke University Press.
- Çalışkan K., Callon M. 2010. Economization, Part 2: A Research Programme for the Study of Markets. *Economy and Society*, 39 (1): 1–32.
- Dörre K., Lessenich S., Rosa H. 2016. *Sociology, Capitalism, Critique*. London: Verso.
- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. 2003. On Irony: An Invitation to Neoclassical Sociology. *Thesis Eleven*. 73 (1): 5–41.
- Hall P., Soskice D. 2001. *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press.
- Harrison M. 2012. Communism and Economic Modernization. *Competitive Advantage in the Global Economy (CAGE) Online Working Paper Series No. 92*. URL: https://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/public/communism_modernization.pdf
- Heilbroner R. 1998. The «Disappearance» of Capitalism. *World Policy Journal*. 15(2): 1–7.
- Karatzogianni A., Miazhevich G., Denisova A. 2017. A Comparative Cyberconflict Analysis of Digital Activism Across Post-Soviet Countries. *Comparative Sociology*. 16 (1): 102–126.

- Klebnikov P. 2000. *Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looting of Russia*. New York: Harvest Books; см. также рус. пер.: Хлебников П. 2001. *Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России*. М.: Детектив-Пресс.
- Krippner G. et al. 2004. Polanyi Symposium: A Conversation on Embeddedness. *Socio-Economic Review*. 2 (1): 109–135.
- Makarovič M., Kildi J. M. 2017. Towards a Model Explaining the Political (In)stability and Variety of Regimes in the Post-Soviet Region. *Comparative Sociology*. 16 (1): 66–101.
- Mihalyi P., Szelényi I. 2017. The Role of Rents in the Transition from Socialist Redistributive Economies to Market Capitalism. *Comparative Sociology*. 16 (1): 13–38.
- Mitchell T. 1998. Fixing the Economy. *Cultural Studies*. 12 (1): 82–101.
- Nee V. 1996. The Emergence of a Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China. *American Journal of Sociology*. 101 (4): 908–949.
- Nee V., Swedberg R. 2005. *The Economic Sociology of Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Norkus Z. 2017. A Qualitative Comparative Analysis of Patterns in the Acceleration and the Catching Up Performance of the Former Soviet Union Republics. *Comparative Sociology*. 16 (1): 39–65.
- Popov V. 2014. *Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West*. Oxford: Oxford University Press.
- Rezaev A. V. 2017. 25 Years after the USSR: Comparative Sociological Accounts. *Comparative Sociology*. 16 (1): 1–12.
- Rezaev A. V., Starikov V. S. 2017. The Transformation of Higher Education Systems in Six Post-Soviet Countries: Causes and Consequences of Organizational Change. *Comparative Sociology*. 16 (1): 127–146.
- Sewell W. H. 1996. Three Temporalities: Toward an Eventful Sociology. In: McDonald T. (ed.) *The Historic Turn in the Human Sciences*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 245–280.
- Stark D. 2000. For a Sociology of Worth. *Working Paper Series, Center on Organizational Innovation, Columbia University*. URL: http://www.coi.columbia.edu/pdf/stark_fsw.pdf
- Streeck W. 2010. E Pluribus Unum? Varieties and Commonalities of Capitalism. *Max-Planck-Institut Für Gesellschaftsforschung, Discussion Papers*. URL: http://www.mpifg.de/pu/mpifg_dp/dp10-12.pdf
- Tregubova N. D., Fabrykant M., Marchenko A. 2017. Countries versus Disciplines: Comparative Analysis of Post-Soviet Transformations in Academic Publications from Belarus, Russia and Ukraine. *Comparative Sociology*. 16 (1): 147–177.
- Whitford J. 2002. Pragmatism and the Untenable Dualism of Means and Ends: Why Rational Choice Theory Does not Deserve Paradigmatic Privilege. *Theory and Society*. 31 (3): 325–363.

NEW BOOKS

Dmitrii M. Zhikharevich

25 Years after the USSR: Prospects of the Comparative Studies of Capitalism

Essay Review: *Comparative Sociology*. 2017, vol. 16, iss. 1: *25 Years after the USSR: The Burden of the Past, the Bitterness of Reality, and Dreaming for the Future*, Leiden, Netherlands: Brill Publishing. 181 p.

Abstract

ZHIKHAREVICH, Dmitrii M. —
PhD Student, Researcher,
International Laboratory
“Transnationalism and Migration
Processes”, St. Petersburg
State University. Address: 1/3
Smolny str., Saint-Petersburg,
191124, Russian Federation.

Email: dzhikhar@gmail.com

This paper presents a detailed review dedicated to the special issue of *Comparative Sociology* “25 Years after the USSR” (2017, vol. 16, iss. 1). The issue includes six original research papers that may be of interest for scholars working in economic sociology. The paper shows how the topic of post-Soviet transformations still remains relevant for economic sociologists, and it highlights the advantages and the shortcomings of the articles presented in the issue of *Comparative Sociology*. The paper also demonstrates how the dissolution of the USSR and restructuring of social sciences, and economic sociology in particular, are related to the dominance of the sociology of markets as a research program. In short, expansion of market capitalism defines the market exchange as a key paradigm

for social action. It has two consequences. On the one hand, economic sociology has been increasingly involved in the study of markets with a particular emphasis on the social structures enhancing market exchanges. On the other hand, this focus on the “scaffolding” structures of markets has made economic sociology an extension, rather than a competitor, to neoclassical economic theory. The paper presents the arguments for this conclusion. Finally, the limitations of comparative analysis of capitalism in different countries are revealed.

Keywords: post-Soviet transformations; comparative sociology; comparative capitalism; economic sociology; sociology of markets; USSR collapse

Acknowledgement

The research for this paper has been supported by the Russian Humanities Foundation (RGNF), project № 17-33-00040.

References

Arrighi G. (2001) Braudel, Capitalism, and the New Economic Sociology. *Review (Fernand Braudel Center)*, vol. 24, no 1, pp. 107–123.

Biagioli M., Lepinay V. (eds) (2018, forthcoming). *From Russia with the Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*, Durham, NC: Duke University Press.

Block F. (2004) Roli gosudarstva v khozyajstve [The Roles of the State in the Economy]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 5, no 2, pp. 37–56. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2004-5-2/26592161.html> (accessed 2 August 2017) (in Russian).

- Çalışkan K., Callon M. (2010) Economization, Part 2: A Research Programme for the Study of Markets. *Economy and Society*, vol. 39, no 1, pp. 1–32.
- Derluguian G. (2010) *Adept Burd'yo'e na Kavkaze: Eskizy k biografii v mirosistemnoy perspective* [Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography], Moscow: Territoriya Budushhego (in Russian).
- Dörre K., Lessenich S., Rosa H. (2016) *Sociology, Capitalism, Critique*, London: Verso.
- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. (2003) On Irony: An Invitation to Neoclassical Sociology. *Thesis Eleven*, no 73, pp. 5–41.
- Fligstein N. (2001). *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First Century Capitalist Societies*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Furman D. E. (1995) “Perevernutyy istmat”? Ot ideologii perestroyki k ideologii “stroitel'stva kapitalizma” v Rossii [“Historical Materialism Inside out”? From the Ideology of Perestroika to the Ideology of “Building Capitalism” in Russia]. *Svobodnaya mysl'*, no 3. Available at: <http://dmitriyfurman.ru/wp-content/uploads/2012/04/3-1995.pdf> (accessed 2 August 2017) (in Russian).
- Furman D. E. (2007) Obshchee i osobennoe v politicheskom razvitii postsovetskikh gosudarstv [General and Specific in Political Development of Post-Soviet States]. *Puti rossiyskogo postkommunizma: Ocherki* [Pathways of Russian Post-communism: Outlines] (eds. M. Lipman, A. Rjabov), Moscow: R. Jelinin's Publishing House, pp. 234–273 (in Russian).
- Hall P., Soskice D. (2001) *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*, Oxford: Oxford University Press.
- Harrison M. (2012) Communism and Economic Modernization. *Competitive Advantage in the Global Economy (CAGE) Online Working Paper Series No. 92*. URL: https://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/public/communism_modernization.pdf (accessed 2 August 2017).
- Heilbroner R. (1998) The “Disappearance” of Capitalism. *World Policy Journal*, vol. 15, no 2, pp. 1–7.
- Estoniya trebuuet rassledovaniya DDoS-atak iz Rossii [Estonia Demands Investigation of DDOS-attacks from Russia] (2007) *Deutsche Welle*. Available at: <http://www.dw.com/ru/эстония-требуует-расследования-ddos-атак-из-россии/a-2542160> (accessed 2 August 2017) (in Russian).
- Karatzogianni A., Miazhevich G., Denisova A. (2017) A Comparative Cyberconflict Analysis of Digital Activism Across Post-Soviet Countries. *Comparative Sociology*, vol. 16, no 1, pp. 102–126.
- Klebnikov P. (2000) *Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looting of Russia*, New York: Harvest Books.
- Krippner G., Granovetter M., Block F., Biggart N., Beamish T., Hsing Y., Hart G., Arrighi G., Mendell M., Hall J., Burawoy M., Vogel S., O'riain S. (2004) Polanyi Symposium: A Conversation on Embeddedness. *Socio-Economic Review*, vol. 2, no 1, pp. 109–135.

- Makarovič M., Kildi J. M. (2017) Towards a Model Explaining the Political (In)stability and Variety of Regimes in the Post-Soviet Region. *Comparative Sociology*, vol. 16, no 1, pp. 66–101.
- Marx K., Engels F. (1968) *Sochineniya. Izdanie vtoroe* [Collected Works, 2nd ed.], vol. 46 (Ch. 1), Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).
- Mihalyi P., Szelényi I. (2017) The Role of Rents in the Transition from Socialist Redistributive Economies to Market Capitalism. *Comparative Sociology*, vol. 16, no 1, pp. 13–38.
- Mitchell T. (1998) Fixing the Economy. *Cultural Studies*, vol. 12, no 1, pp. 82–101.
- Nee V. (1996) The Emergence of a Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China. *American Journal of Sociology*, vol. 101, no 4, pp. 908–949.
- Nee V., Swedberg R. (2005) *The Economic Sociology of Capitalism*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Norkus Z. (2017) A Qualitative Comparative Analysis of Patterns in the Acceleration and the Catching Up Performance of the Former Soviet Union Republics. *Comparative Sociology*, vol. 16, no 1, pp. 39–65.
- Oleinik A. (2011). *Market as a Weapon: The Socio-Economic Machinery of Dominance in Russia*, New Brunswick, NJ: Transaction.
- Panchul Yu. (2009) Vzлом so svistom [Hacking with a Whistle]. *The New Times*, vol. 15, no 111. Available at: <https://newtimes.ru/stati/others/a948087239b4c285b0bcc1b1397e2246-vzлом-so-svistom.html> (accessed 2 August 2017) (in Russian).
- Papakostas A. (2016). *Stanovlenie tsivilizovannoy publichnoy sfery: nedoverie, doverie i korruptsiya* [Civilizing the Public Sphere: Distrust, Trust, and Corruption], Moscow: VTSIOM (in Russian).
- Popov V. (2014) *Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West*, Oxford: Oxford University Press.
- Rezaev A. V. (2017) 25 Years after the USSR: Comparative Sociological Accounts. *Comparative Sociology*, vol. 16, no 1, pp. 1–12.
- Rezaev A. V., Starikov V. S. (2017) The Transformation of Higher Education Systems in Six Post-Soviet Countries: Causes and Consequences of Organizational Change. *Comparative Sociology*, vol. 16, no 1, pp. 127–146.
- Sewell W. H. (1996) Three Temporalities: Toward an Eventful Sociology, *The Historic Turn in the Human Sciences* (ed. T. McDonald), Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 245–280.
- Stark D. (2000) For a Sociology of Worth, *Working Paper Series, Center on Organizational Innovation, Columbia University*. Available at: http://www.coi.columbia.edu/pdf/stark_fsw.pdf (accessed 2 August 2017).
- Streeck W. (2010) E Pluribus Unum? Varieties and Commonalities of Capitalism. *Max-Planck-Institut Für Gesellschaftsforschung. Discussion Papers*. Available at: http://www.mpifg.de/pu/mpifg_dp/dp10-12.pdf (accessed 2 August 2017).

Tregubova N. D., Fabrykant M., Marchenko A. (2017) Countries versus Disciplines: Comparative Analysis of Post-Soviet Transformations in Academic Publications from Belarus, Russia and Ukraine. *Comparative Sociology*, vol. 16, no 1, pp. 147–177.

Weber M. (2016) *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushhey sotsiologii. Sotsiologiya* [Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Whitford J. (2002) Pragmatism and the Untenable Dualism of Means and Ends: Why Rational Choice Theory Does Not Deserve Paradigmatic Privilege. *Theory and Society*, vol. 31, no 3, pp. 325–363.

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation], Moscow: New Literary Observer Publishing House (in Russian).

Received: November 3, 2017

Citation: Zhikharevich D. M. (2018) Dvadtsat' pyat' let posle SSSR: perspektivy sravnitel'nykh issledovaniy kapitalizma [25 Years after the USSR: Prospects of the Comparative Studies of Capitalism. Essay Review: Comparative Sociology. 2017, vol. 16, iss. 1: *25 Years after the USSR: The Burden of the Past, the Bitterness of Reality, and Dreaming for the Future*, Leiden, Netherlands: Brill Publishing. 181 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 1, pp. 188–203. doi: 10.17323/1726-3247-2018-1-190-205 (in Russian).